

Семья. (М.)
1893. № 7. Январь.

Русская беллетристика в 1892 году.

10

1...

С Е М Ь Я.

№ 7

чины, осложненные еще действием причин временных, «случайных», учету не поддающихся, — дело более чем мудреное, вряд ли выполнимое и во всяком случае невозможное в скромных рамках самого краткого и благого обзора. Не отваживаясь на него, ограничимся лишь указанием факта, а он, кажется, спору не подлежит. Т.е. на кого русский читатель смотрит с упованием и ждет от них художественного наслаждения и пищи духовной, или совсем не пишет, или пишет более чем мало, а кто и пишет, точно повинность отбывает; старая «надежда» тускнеет и слабеет с каждым новым произведением т.х., на кого эти надежды возлагались; новых «надежд», даже и обильных, что-то и совсем не видать.

Таково общее впечатление. Перейдем к главнейшим частностям. Крупнейшая наша литературная сила, «великий писатель Русской земли», не вынул пока тургеневской «последней, искренней просьбы» — «вернуться к литературной деятельности» и не бросать дара, который «оттуда, откуда все другое». Л. Н. Толстой в этом году совсем забросил перо и с головою ушел в свою — глубоко-симпатичную, достойную преклонения — филантропическую деятельность, в дело помощи голодающему крестьянскому люду. Поневоле, мирнись с перерывом (странно подумать — что с прекращением!) в художественной работе автора «Анны Карениной», когда слышишь о той пользе, какую принес он пострадавшим от неурожая. Ходят впрочем слухи, что в последнее время Л. Н. Толстой принялся за большой роман и пишет его с лихорадочною поспешностью. Быть может, таким образом, новый год ознаменуется крупнейшим литературным событием. Но насколько справедливы эти слухи и не окажется ли он такою же досужною выдумкою, как добрые девять десятых рассказов про графа Л. Толстого, — сказать не беремся. За истекший год им написаны только: небольшая статья в «Вопросах философии и психологии» — «Первая ступень», посвященная пропаганде вегетарианских идей, несколько страничек (в сборнике Горбунова-Посадова «Русским матерям») воспоминаний о самом раннем детстве, для подавляющего большинства людей — не осмысленном сознанием, да отчеты об оказанной пострадавшим от неурожая помощи. Отчеты эти написаны вполне по-толстовски, в духе и тоне Л. Н. Толстого последнего десятилетия, и имеют значение и интерес не только как отчеты из израсходованных благотворительных сумм.

Вряд ли мы ошибемся, если второе место по возбуждаемым в читателях интересу и ожиданиям отдадим В. Г. Короленку, наиболее талантливому представителю «молодой литературной России», успевшему за свою сравнительно недолгую литературную деятельность зарекомендовать себя такими по-истини шедеврами, как «Слабый музыкант», «Лес шумит», «Съезд сторон». Слишком занят своей деятельностью по нижегородскому земству, В. Г. Короленко в обозреваемом году не дал нам по части беллетристики почти ничего, и если брался за перо, то больше как публицист. Публицистика вообще отвлекает от нашей «извечной словесности» лучших, наиболее чутких ее работников; еще раньше отняла она Г. И. Иванова-Успенского, для которого, напомним кстати, истекший год оказался таким печальным. Впрочем, в фельетонах-корреспонденциях Короленки, печатавшихся в «Русских Ведомостях», попадаются такие дивные в чисто-художественном отношении перлы, которые и часто попадают даже в заправский роман, и от которых приходили в восторг правотворческие эстетика. Под самый же конец года вышел в свет новый, счетом второй, сборник (издание «Русской Мысли») рассказов и очерков Короленки, написанных за последние два-три года. Сюда вошли: «Судный день» или «Юмь-Кинур», в котором поразительным образом сочетаются элемент чисто-поэтический и элемент публицистический, даже полемический; рассказ столь же хороший в художественном отношении, как и симпатичный по своей гуманной идее; затем рассказы: «На затоптан», «За иконой», «Полночь», «Тыш», «Ать-да-Сань», «Черкесь», «Вода шумит» (два последних из сборников в пользу голодающих).

Несколько больше дал нам за этот год другой видный представитель «молодой литературной России», А. П. Чехов. Его повесть «Иена», напечатанная в январской книжке «Северного Вестника» — вещь, бесспорно, интересная, знаменующая к тому же,

на наш взгляд, поворот в приемах творчества автора. Чехова не раз упрекали в «безцельности» и «безыдейности» его творчества, в чрезмерной случайности воспроизводимых им явлений и образов. Он не различивается, — говорили его критики, — проходящих перед ним жизненных фактов по их относительной важности и с одинаковою точностью перекладывает на бумагу любое свое впечатление, как-бы маловажно и мало содержательно оно ни было. Справедливый, хотя лишь в известной, ограниченной степени, упрек этот с каждою новою работою талантливого беллетриста все более теряет силу. Вряд ли можно сдѣлать этот упрек его «Случайной истории», «Дуэли» (отдельное ее издание относится уже к обозреваемому году), и наконец, «Иена». Герой этой повести, Павел Андреевич, от имени которого она и написана — с не настоящей выхлупной душою, несовершенный чудовищно смѣсно рафинированного эгоизма, безграничного тщеславия, самообожания и гуманных принципов — типичный представитель русских интеллигентов последней фармации, по крайней мере — одной их группы. Типичен сам герой, типичны его отношения к окружающим и окружающим к нему, типична и самая среда, в которой развивается сложное действие повести; общий фон ее — голодающая деревня и организация помощи ей. Во всем этом нельзя уже усмотреть «случайности» творчества, безразличия к выбору темы. Повесть, впрочем, гораздо лучше задумана, чем выполнена, в ней слишком дает себя знать, особенно по сравнению с непосредственно предшествовавшей ей «Дуэлью», чрезмерная дробность, детальность выполнения, так-что часто за деревьями и лесом не видно, и ускользает цельность впечатления. Но во всяком случае, «Иена» должна быть поставлена А. П. Чехову в актив. Другое его произведение этого года — «Палата № 6», напечатанная в ноябрьской книжке «Русской Мысли». Это — интересная, отличающаяся большою психологическою правдою и производящая сильное впечатление, особенно в заключительных главах, история о том, как земский доктор, под влиянием постоянных своих дум, одиночества, чтения, тоски и в довершение, — сближения с своим больным умалишенным, сам сходит понемногу с ума и попадает, уже пациентом, в ту самую палату № 6, которую прежде заведывал, как врач. В герое этого много типичного для наших отечественных интеллигентов, он очень сродни многим и многим из нас, как сродни нам и те мыслительные и душевные процессы, которые у него только слишком обостряются и приводят к пессимному кризису. Очень хорошо обрисованы обитатели палаты № 6-й, с поразительною простотою написаны последние сцены, именно этою своею простотою и производящая потрясающее впечатление. Сверх названных вещей, А. П. Чехов напечатал один — два маленьких рассказа. «Сахалинская книжка», в которой должны были быть обработаны впечатления и материалы, собранные А. П. Чеховым во время его путешествия на Сахалин и пребывания там, и появление которой ждали в минувшем году, не вышла; быть может, автор порадует ею читателей в этом году.

П. Н. Потапенко, занявший в последние годы такое видное место в нашей беллетристической литературе и пользующийся такою симпатиею в большом читательском кругу, выступил в обозреваемом году с объемистым, сложным по фабуле и обильно действующим лиц романом «Любовь» («Русская Мысль», 1—6). «Любовь» — далеко не удачнейшее произведение талантливого автора и ни в каком случае не может идти в сравнение с его же повестью «На действительной службе», с которой и начинается громкая известность и популярность П. Н. Потапенки, ни даже с более слабою его вещью — с «Секретарем его превосходительства». Автор задумал свой роман очень широко, он хотѣл вывести целую кучку интересных русских людей наших дней, воплощающих в себя нашу современность, и людей недалекого прошлого, и объединить всю эту кучку одною «идеєю» — о всепоглощающей, всеоблагораживающей силѣ любви. Но замысел не удался, «герои» вышли блѣдными, идея расплылась, и весь роман производит немного славное впечатление, в духе тѣх романов, какие были в большом ходу летъ двадцать назад. Сверх «Любови» П. Н. Потапенко написал цѣлый роман «Слово и дело» (в «Артистѣ») и рядъ болѣе мелких по размерамъ повѣстей и рассказовъ, подчасъ очень удачныхъ, которые

1...